

1.

Есть снимок, ставший давно историческим. На нем запечатлены писатели и журналисты, которые шли с войсками 1-го Белорусского фронта на Берлин. Он сделан у стен разрушенного рейхстага 5 мая 1945 года. Всеволод Вячеславович Иванов стоит позади всей группы. А я хорошо помню, как мы управляли маститого писателя встать впереди, так сказать, на открытие снимка. Он с улыбкой ответил:

— Разве важно сейчас, где оказаться — впереди или сзади? Важно то, что снимаемся в поверженном Берлине, у стен рейхстага!..

Вот такой он скромный — Всеволод Вячеславович Иванов, человек и писатель, воин и большевик, фронтовой корреспондент газеты «Известия». Иванов не любил, когда его выделяли; хотели сделать ему больше, чем другим.

Почти месяц после прибытия на 1-й Белорусский фронт писатель был «безлошадным». На передовую ездил в машине Леонида Кудреватых, то с правдами, то с красноречивыми, а то и просто на попутных. Именно в одной из таких поездок в армию генерала В. И. Чуйкова Всеволода Иванова встретил командующий фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

— У вас нет машины, товарищ Иванов?

— Не обзавелся, товарищ маршал, — ответил писатель. — Говорят, что очень сложно с автомашинами.

Я слышал, как маршал сказал начальнику полуправления фронта генералу С. Ф. Галаджеву:

— Нехорошо получается, генерал. У нас в штабе чуть ли не каждый офицер имеет трофейную машину, а известный писатель, автор «Бронепоезда» ездит в части на попутных...

— Я об этом только сегодня узнал, товарищ командующий.

— Вот в том-то моя и вина, что только сегодня узнали. Впрочем, что лишнего говорить — разрешаю выбрать из резерва Военного совета любую машину и вручить ее писателю.

Став владельцем машины, Всеволод Иванов сразу «загрузил» ее целиком — посадил к себе еще трех недавно приехавших на фронт корреспондентов.

Вспоминаю другой случай. Всеволод Иванов и Леонид Кудреватых ночью приехали в штаб стрелкового корпуса, которым командовал генерал И. П. Рослый. Оба не знали пароля и были задержаны комендантской службой.

Дежурный сержант проверил у корреспондентов «Известий» документы и доложил дежурному по штабу:

— Товарищ майор, мною задержаны майор Кудреватых и товарищ без звания по фамилии Иванов.

Рядом с дежурным в это время находился генерал-майор И. П. Рослый, который распорядился доставить задержанных к нему.

Вскоре в блиндаж вошли Всеволод Иванов и Леонид Кудреватых. Командир корпуса тут же признал «товарища без звания».

— Вы Всеволод Иванов? — спросил Рослый.

— Да, я писатель Иванов. А мы разве с вами знакомы, товарищ генерал?

— Пять или шесть раз с великим удовольствием смотрел вашу замечательную пьесу, зачитывался романом «Пархоменко». А узнал по портретам, которые видел в ваших книгах.

2.

Третью или четвертую поездку на передовую Всеволод Иванов сделал со мной и другим корреспондентом — «Красной звездой» подполковником Лео-

нидом Высокоостровским. Мы повезли его под Альтдам, где вела бои 61-я армия. В двух километрах от города нас остановили и объявили, что дальше ехать нельзя — шоссе повреждено бомбежкой.

— А объезда нет? — спросил Высокоостровский.

— Объезд не готов, саперы только приступили к работе.

Мы вышли из машины и разыскали старшего офицера. Узнав, что с нами писатель Всеволод Иванов, саперный командир вызвался проводить нас. Поехали. Дорогу, которая шла по сильно заболоченной низине, саперы выстилали бревнами. Миновав трудный участок, оказались на проселке, развороченном танками.

Но вскоре нас опять остановили на шоссе и предупредили, что впереди опасный участок — просматривается и простреливается противником. Проксчить его можно только на большой скорости. Знающий обстановку саперный командир предложил Всеволоду Иванову спешиться и обойти этот отрезок дороги лесом. Мы поддержали сапера.

Павел
ТРОЯНОВСКИЙ

СПЕЦКОР
«ИЗВЕСТИЙ»

ВСЕВОЛОД
ИВАНОВ

— А вы? — спросил писатель.

— Мы попробуем проскочить на машине.

— За кого вы меня принимаете? — вспыхнул Иванов. Он был возмущен, обижен и долго не мог прийти в себя.

Преодолели участок благополучно, и все трое горячо поблагодарили за это водителя Сергея Макарова — мужественного и отличного парня.

Весь остаток дня работали в частях. Всеволод Иванов добрался до артиллеристов, долго беседовал с солдатами, офицерами. Ночевали на наблюдательном пункте командира гвардейского стрелкового полка Героя Советского Союза подполковника Н. Т. Волкова.

Блиндаж неярко освещался самодельным светильником. Усталые и продрогшие, мы с Высокоостровским сразу же легли отдыхать, а Всеволод Иванов сел писать. Я какое-то время с интересом наблюдал за ним, но потом незаметно заснул. Проснувшись утром, я немало удивился: Всеволод Вячеславович сидел на прежнем месте и продолжал увлеченно работать. Как потом стало известно, он писал корреспонденцию «Дорога наступления» для газеты «Известия». В корреспонденции есть такое место:

«Батарея расположилась среди елок. Артиллеристы плохо спали ночь, но вид у них был неусталый.

Возле елочек в ватной замасленной куртке, с заплатой на брюках, сделанной своими руками, стоит девятнадцатилетний юноша, донбассовец Потапов. До войны он работал трактористом, а сейчас наводчик орудия. Недавно, в боях за Шнайделе, когда немцы не да-

вали нам подойти к городу и зацепиться за окраину и когда ранен был командир орудия, Потапов принял командование орудием, одновременно работая наводчиком. Немцы с шестисот метров били по нему из минометов и четырех пулеметов. Потапов прямою наводкой завалил дом тремя снарядами, подавив таким образом пулеметы. Немцы побежали. Наша пехота теперь могла зацепиться за окраину, и начались уличные бои.

Я смотрю на молодое, еще юношески пухлое лицо и спрашиваю:

Однако опасность вы должны были чувствовать?

Он некоторое время молчит. По глазам я вижу, что вряд ли придавал он значение опасности. Однако ему хочется быть любезным, и он, смущенно, угловато улыбаясь, превосходной молодой улыбкой, отвечает:

— Опасность, конечно, чувствовал, но подавлял. Пехоту надо было поддержать...»

3.

Во время боев на берлинском направлении фронтовые корреспонденты центральных газет сами выбирали армии, с которыми шли к Берлину. Всеволод Вишневецкий облюбовал 8-ю гвардейскую армию генерала В. И. Чуй-

После войны писатели Всеволод Иванов, Мартын Мерджанов и Леонид Кудреватых возвращались из Берлина в Москву через Каунас. В первый же день пребывания в Каунасе с ним пришли известные литовские писатели Антанас Венцлова и Пятрас Цвирка. Было много разговоров о том, что отгремевших боях, о работе литераторов на фронте, о будущем советской литературы. Затем на память сфотографировались.

Этот снимок публикуется впервые. Слева направо: Пятрас ЦВИРКА, Мартын МЕРДЖАНОВ, Всеволод ИВАНОВ, Антанас ВЕНЦЛОВА, Леонид КУДРЕВАТЫХ.

Фото из архива
Леонида КУДРЕВАТЫХ

бледны от волнения, все они погружены в напряженные думы.

И вдруг, видимо, уловив общие мысли, командир говорит: — А знаете, я видел Льва Толстого. Мой отец был начальником железнодорожной станции неподалеку от Ясной Поляны. Толстой почти каждый день приезжал на станцию верхом за газетами. И каждый день я, мальчишка, выбегал на крыльцо, чтобы встретить его. Он ездил на маленькой лошадинке. Я не успею сказать: «Здравствуйте, Лев Николаевич», — как он уже снимает шляпу и легкими, быстрыми шагами идет к станции...

И командир смотрит в сад. И всем нам кажется упоминание о Льве Толстом таким умным, таким понятным и таким трогательным, словно где-то здесь, за кустами воздушной сирени, прошла его тень. Нынче все — от командарма до бойца — под впечатлением огромной ответственности приближающейся битвы, в которой сыны великой Отчизны будут защищать от фашизма культуру не только нашей страны, но и жизнь и культуру всего человечества, а это лучше Льва Толстого мог понять и воспеть величие битвы за счастье человечества?

4.

Наступление советских армий развивалось стремительно, и враг не смог его остановить.

21 апреля 1945 года соединения 1-го Белорусского фронта ворвались в Берлин.

33-я армия вела бои южнее фашистской столицы, и теперь задача Всеволода Иванова осложнилась. Ему не хотелось отвлекать без внимания знаменитую армию, а надо было все чаще и чаще бывать в Берлине. Но никто из нас ни раньше, ни потом не видел Всеволода Иванова таким счастливым и радостным, как в эти дни.

Тут произошел случай, который мне никогда не забыть. Вышло так, что мы одновременно с Всеволодом Ивановым приехали в корпус генерала С. Н. Переверткина, дивизии которого были нацелены на рейхстаг. Из окон здания, где был наблюдательный пункт генерала, открывался хороший обзор Берлина. От горизонта до горизонта громоздились дома, корпуса и трубы заводов, кирхи вздымались свои высокие и острые шпили. И над всем этим висело громадное облако дыма — Берлин горел...

Я решил походить по дому и в квартире, ниже этажом, увидел вставленное в зеркальную рамку письмо. Писал своему дяде — хозяину квартиры немецкий офицер Альберт Неймчен. Вот дословный перевод письма:

«Под Москвой, ноябрь, 1941 год. Дорогой дядюшка! Я не могу в эти минуты не вспомнить тебя и своего обещания тебе. Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гвардейской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву. Через два часа это наступление начнется. Я видел темные пушки, которые и вечером будут обстреливать Кремль. Я видел полки наших гвардейцев, которые первый должны пройти по Красной площади у могилы их Ленина. Это конец, дядюшка. Ты знаешь, я не восторженный юноша и не горячий невежда. Это конец, Москва наша. Россия наша. Европа наша... Тороплюсь. Совет начальнику штаба. Утром напишу из Москвы и опишу тебе, как выглядит эта прелестная азиатская столица...»

Прелюбопытный документ! И первым моим желанием было, чтобы он был использован в корреспонденциях из Берлина и мной, и Всеволодом Ивановым. А он сказал:

— Это находка ваша, и я не хочу лишать вас удовольствия первооткрывателя...

На обратной дороге мы много раз обгоняли толпы освобожденных из фашистской неволи людей. В корреспонденции «Русские в Берлине» Всеволод Иванов писал:

«Среди великого множества удивительных и благородных дней, которые переживает человечество, дни, которые мы наблюдали в Берлине, быть может, самые возвышенные и удивительные. Достаточно мельком взглянуть на дороги, прилегающие к столице фашистской Германии, чтобы увидеть необыкновенную и трогательную картину. По обеим сторонам дороги идут несчазием лентой два гигантских потока людей — один из Берлина, другой — в Берлин.

Из Берлина — пешком, на фурах или тележках, с узелками и чемоданчиками — уходят те, которые под нудом и кровавой свастикой работали на немцев. Выражение их глаз не выразимо низкими словами. Но пусть каждый, кто хочет знать их состояние, вспомнит самые радостные и счастливые минуты своей жизни, и, возмущенно, перед ним встанут их лица. Они идут, оставив позади себя гнет тоску, голод, унижение. Они идут на восток для счастья и творчества...

И посреди этих потоков в грохоте, говоре, песнях — на машинах, конях, пешком — идет Красная Армия. Запад освачен алым дрожащим светом, горит Берлин. Пахнет гарью. Тени от пушен, танков и людей, густые и темные, налетают. Вглядываешься в лица бойцов, и видишь, что все дрожат нетерпением и все наполнены глумом и ярким чувством и врагу, тем чувством, которое несет победу...»

Всеволод Иванов, которому в эти дни исполнилось бы 85 лет, увидел Победу в поверженном Берлине. Он сделал для нее все, что мог.